

Алексей Будищев

Алая зыбь

Алексей Николаевич Будищев

Алая зыбь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18472579

Аннотация

«Говорят, когда-то, в давние годы, в этой узкой долине, прорезанной прихотливыми извилинами речки, шустрой и замкнутой кольцом плоских холмов, было столько диких маков, что эту местность и до сей поры все окрестные крестьяне зовут „Алой зыбью“. Сейчас в этой „Алой зыби“ дикого мака было не в таком изобилии, но тем не менее Павлику Высоцкому, поднимавшемуся на холм к обширной и щегольской усадьбе Тучи-Лихонина, встретилось их столько, что он собрал пышный букет...»

Алексей Будищев

Алая зыбь

Говорят, когда-то, в давние годы, в этой узкой долине, прорезанной прихотливыми извилинами речки, шустрой и замкнутой кольцом плоских холмов, было столько диких маков, что эту местность и до сей поры все окрестные крестьяне зовут «Алой зыбью». Сейчас в этой «Алой зыби» дикого мака было не в таком изобилии, но тем не менее Павлику Высоцкому, поднимавшемуся на холм к обширной и щегольской усадьбе Тучи-Лихонина, встретилось их столько, что он собрал пышный букет.

«Татьяне Михайловне», – думал он, весело посвистывая.

Солнце так ласково пригревало вокруг, что невольно хотелось смеяться и радоваться. Да и Татьяна Михайловна такая красивая, такая ласковая, такая благодатная, что Павлик всегда радовался, когда знал, что сейчас увидит ее.

– «Когда увижу я тебя, – запел Павлик из „Красного Солнышка“, – мне небо кажется с овчинку...»

В усадьбе густым, красивым басом залаял дог «Неро».

– «Неро», «Неро»! – радостно позвал собаку Павлик, сдвигая на затылок свою студенческую фуражку.

Его, очевидно, услышали. Из сада звонко откликнулось ясное и молодое сопрано:

Когда увижу я тебя,
Меня трясет, как пау-у-тин-ку!

Павлик стал в позу, прижал обе руки к сердцу и, раскачивая плечами, запел:

– «Да, я л-любллю-ю яг-нят!»

– «А я л-л-юбл-лю-ю г-у-у-сят!» – откликнулось ему, слегка кокетничая, сопрано.

– «Ка-а-к они кричат», – пропел Павлик и сразу оборвал. Его как бы обвевало грустью.

– И она – эта милая, ласковая женщина – жена полутрупа, жена сумасшедшего, – вдруг вошло в его голову, как черная туча.

«Бедная, бедная Татьяна Михайловна», – подумал он вновь, вздохнул, покачал головой и быстро прошел в ворота.

«Неро» встретил его и повилял ему хвостом, как доброму приятелю.

Туча-Лихонин крикнул ему с балкона:

– Доброго дня, сэр! Салютую вам с высоты обсерватории.

Голос у него был неприятный, резкий, сухой. Пожалуй, уже по голосу можно было догадаться о его страшном недуге. Молодой лейтенант Туча-Лихонин сошел с ума тотчас же после Цусимского боя, пробыл два года в психиатрической лечебнице, и после того, как врачи признали его неизлечимым, но и безвредным для близких, молодая жена перевезла его в родовое имение, вот в эту «Алую зыбь». Сейчас он

сидел на балконе и из карабина Монтекристо расстреливал листья шиповника, росшего в двенадцати шагах от балкона.

Павлик Высоцкий, здороваясь, приблизился к нему.

– Вы, конечно, не ко мне, а к принцессе, к Татьяне Михайловне? – спросил он Павлика, поворачивая к нему желтое и худое лицо. Тяжелый взгляд его зеленоватых глаз горел сухим блеском.

Он поморщился и крикнул в сад:

– Принцесса, Павлик Высоцкий пришел!.. А вы знаете? – сообщил он, затем, студенту с злой надменностью, – его величество император Японии пожаловал меня орденом Золотого Одуванчика второй степени. Вот! – указал он на цветок одуванчика, воткнутый в петлицу его парусиновой куртки, – Не правда ли, как искусно сработано, не отличить от живого цветка! Япония вообще удивительная страна! И я так незаслуженно обласкан её монархом...

Он будто поперхнулся, скривил губы в одну изломанную линию и в злобно-презрительном негодовании выкликнул ту самую фразу, которую он всегда повторял через известные промежутки, как заклинание:

– Чёрт знает, кто у вас строит корабли, чтобы вас дьявол побрал!

И тотчас же рассмеялся, как он всегда смеялся после этой фразы, высочайшим фальцетом, злобным и негодующим. На балкон вошла Татьяна Михайловна. В белом фланелевом платье она походила сейчас на девочку-подростка.

Она приветливо поздоровалась с Павликом, приняла от него букет маков, радостно улыбнулась ему, вспыхнув, как девочка, всем лицом и вдруг, опустив глаза, слишком уж явно обнаружившие всю её неукротимую любовь к этому весёлому и милому Павлику, стала гладить по голове мужа, точно вымаливая у него прощение.

– Тучка моя милая, – говорила она нараспев, все поглаживая его по волосам, – бедная моя, больная Тучка, хочешь, мы сыграем с тобой партию в крокет? ты с Павликом в одной партии, а я одна двумя шарами? А то ты все один, мой беденький! Хочешь, моя несчастная Тучка?

Она нежно поцеловала его в темя. Туча-Лихонин сердито поморщился и с выражением досады пожал плечами.

– Но у меня же на сегодня доклад у морского министра, – сказал он сердито. – Мне нужно подготовить целый ряд выкладок. Голова идет кругом даже! Нет, ты уж иди одна с Павликом! Как вчера и третьего дня! Как всегда! – вдруг добавил он с раздражением. – Иди! А я займусь делами. Я уже не от мира сего!

Татьяна Михайловна опять поласкала его и, выдернув из букета несколько маков, приложила их к губам.

– «Клянусь цве-е-та-ами, – пропела она высокою трелью, – я в-вас л-л-любл-л-ю»... Павлик, – сказала она затем, вдруг прерывисто вздохнув каким-то особенным двухэтажным, глубоким-глубоким вздохом, – Павлик, хотите, пойдёмте погуляем в саду?

Павлик прижал обе руки к сердцу и заговорил оперным речитативом:

– «Изволь-те-е! Принцесса! Вол-ше-бница! Бо-о-о-гиня! Я – р-раб ваш! р-р-а-аб!»

Туча-Лихонин поморщился, лицо его почти перекосилось, и с прыгающими губами он воскликнул:

– Чёрт знает, кто у вас строит корабли, чтобы вас дьявол побрал!

Но Татьяна Михайловна и Павлик уже шли липовой аллеей. Она беззаботно играла лиловым зонтиком, а он срывал листья липы и посыпал её голову и плечи, и грудь...

Туча-Лихонин остался один на балконе. Его сознание точно сотрясилось жесточайшей бурей и пронизывалось острыми судорогами. Он вдруг проворчал:

– Сегодня Павлик, вчера Павлик, третьего дня Павлик. Какое множество Павликов! Две недели Павликов!

Павлик высовывался из-за каждого дерева и смотрел с улыбкой в его лицо. Он вдруг почувствовал удушливую ненависть к этому розоволикому юноше...

Нежная гейша спросила его, сюсюкая:

– За что? Почему?

Но он не смог ответить на это. Хотя ясно с безмолвным сокрушительным хохотом, злобно сотрясавшим все его существо, он припомнил: третьего дня в щель забора за кухней он видел: Павлик целовал в саду под березами вот эту женщину, похожую на малую девочку, и её голова лежала у него

на коленях. А вчера он видел то же самое у озера в лодке. И так две недели подряд.

Он проговорил:

– Принцесса съела и мое и его сердце! Принцесса жестока! И обжорлива!

Он встал, пожал плечами и надел морскую фуражку. Поспешно пошел усадьбой. Когда он шел мимо кухни, он услышал. Повар говорил там горничной:

– Сейчас накрывай к завтраку. Будет селянка на сковородке, фаршированные яйца под таким острым соусом, какого ты, Егоза Вертихвостовна, от роду не ела, и земляника со сливками! После селянки и фаршированных яиц пальчики все оближут. Фарш – секрет изобретателя. Не забудь к этому блюду поставить судок и красного перчику дать. И барыня, и её теперешний поддужный это очень обожают!

Туча-Лихонин обошел весь сад, поглядел на речку и вернулся в дом. В столовой все было уже приготовлено для завтрака. Красный перец в перечнице он как-то увидел сразу и особенно отчетливо, ибо он уже давно стоял в его сознании особо отмеченным. С минуту напряженно подумав о чем-то, он пробормотал:

– Пусть принцесса на меня не обижается, я же дал ей слово в верности!

Почесав лоб и снова напряженно подумав, он сказал той гейше в красной кофте, которая то и дело с почтительностью подходила к нему:

– Я вот уже две недели изо дня в день гляжу: они целуются, точно их губы намазаны медом. И слушай: я тогда же отметил, – они очень любят красный перец! Чрезвычайно любят!

Он засмеялся высокой и пронзительной фистулой и закончил, как и всегда, своим магическим возгласом:

– Чёрт знает, кто у вас строить корабли, чтобы вас дьявол побрал!

После этого он прошел к себе в кабинет, отпер комод и тотчас же отыскал в пакетике, уже отложенный им еще третьего дня, красный порошок окиси ртути. Этим порошком когда-то, давным-давно, когда он еще сам заведовал сельским хозяйством, он присыпал червей у собак и коров, в тех местах, которые они не в состоянии зализовать языком, ибо от этого страшного яда черви умирают мгновенно. После этого, опираясь и двигаясь неслышно, он высыпал из перчатки весь перец и заменил его порошком красной окиси ртути. А затем сел на балконе и снова стал стрелять из карабина, в листья шиповника. Он пошел завтракать только тогда, когда его позвала горничная, и тихо занял свое обычное место между женой и студентом. Те с хохотом поедали сельянку, счастливые своей любовью и радостью встречи, а он с смиренным видом поджимал губы, и только беспокойные и злые зеленые огоньки вспыхивали порою в глубине его острых глаз.

Когда ели уже фаршированные яйца, Татьяна Михайлов-

на, вся розовая от счастья, обильно поперчила красным перцем соус и, поедая острую приправу, спрашивала Павлика одними глазами:

– Ты останешься сегодня ночевать?

Павлик отвечал ей вслух:

– Да, благодатная!

И поперчил и свою порцию.

Поглядев на ту и другого с острым вниманием, Туча-Лихонин взял перечницу и долго, с ожесточением, потряс ее и над своей тарелкой...

А Павлик Высоцкий все улыбался. Но умер он через час после завтрака, как-то вдруг и чрезвычайно покорно. Татьяна Михайловна умерла получасом позже. И только желудок бедного безумца оказался мудрее: он изрыгнул все съеденное через четверть часа после завтрака. И Туча-Лихонин остался жить...